

"Не во врагах дело, а скорее в том, что мы сами, в своей жизни и деятельности, не являем Церковь такой, какой она должна быть".

Петр (Мещеринов), игум.

Сегодня мы собрались здесь, чтобы обсудить проблемы вот какого рода.

Как мы знаем, недавно нашу церковно-общественную жизнь всколыхнули два события: показ фильма "Код да Винчи" и так называемый "гей-парад", против которых решительным образом высказывалось и наше Священноначалие, и церковная общественность. Нужно сразу сказать, что Церковь определяет и будет определять своё отношение к подобного рода явлениям, и стоять на страже общественной нравственности. Но хочется обратить внимание вот на какое обстоятельство. Реакция российского общества на мнение Церкви оказалась далеко не однозначной. Основной тон многих даже и серьёзных и солидных средств массовой информации был таков: да, фильм плохой, и гей-парад – событие неодобрительное; но с какой стати Церковь указывает нам, что мы должны делать, а что не должны? И, к сожалению, не только средства массовой информации демонстрируют такой подход, но и немалая часть народа: количество проданных билетов и окупаемость "Кода да Винчи" свидетельствуют о том, что многие люди отнюдь не вняли призыву Церкви воздержаться от просмотра кощунственного фильма.

Церковь по статистике, пожалуй, самый уважаемый институт в России. Доверие к Церкви, по последним статистическим данным, весьма велико даже в молодёжной среде. Но вот на практике оказывается, что церковное суждение не имеет того веса в обществе, который, казалось бы, должен быть, коль скоро само общество в массе своей определяет себя как "православное". Это заставляет нас констатировать, что наша Церковь мало влияет на практическую общественную жизнь, на нравственный климат в стране; не всегда слова Церкви воспринимаются авторитетно.

В чём причины этого? – Здесь может быть два подхода.

Первый подход: козни врагов. С нашей Православной Церковью борются, во-первых, внешние враги. Они вдохновляются и финансируются масонской мировой закулисой и процессом глобализации, во главе которого стоит Америка. Во-вторых, в Церкви есть внутренние враги, некая "пятая колонна", которая разлагает Церковь изнутри – посредством вольномыслия, размывания традиционных форм благочестия, внедрения западно-либеральной идеологии под видом миссионерства и т.п. Практическим следствием такого подхода является то, что главной нашей задачей становится –

посвятить все свои усилия именно борьбе с врагами, в лице тех или иных идей, явлений или конкретных людей. Я не говорю здесь о таких вещах, как пресловутая борьба с ИНН, борьба за канонизацию Ивана Грозного или Распутина – это уже, по сути, почти нецерковные явления. Речь идёт о том, что и в среде людей глубоко церковных, мы подчас видим стремление ожесточённо воевать с тем, что не вписывается, скажем, в рамки русского благочестия синодальной эпохи XIX века.

Разумеется, Церковь не должна "подлаживаться" под стихии мира сего; но бороться с возникающими новыми формами миссии, проповеди, церковной жизни только на том основании, что их не было раньше – бесперспективно. Вот что говорит по этому поводу Святейший Патриарх Алексий: "Важнейшая задача Церкви, создателем Которой является Сам Господь Иисус Христос, – помочь человеку в деле спасения; и сущность этой миссии неизменна. Но, конечно, Церковь одновременно связана с конкретной исторической реальностью. Сегодня она очень непроста. Потребительский синдром, экологический кризис, опасность разрушения целостности личности – вот далеко не полный перечень проблем, с которыми мир столкнулся на рубеже тысячелетий. На всё это нужно дать ответ – авторитетный, понятный, искренний, сформулированный в категориях современной культуры... Современное понимание миссии основано на том, что хотя секулярный мир и Церковь, имея разные направленности и действия в этом мире, сосуществуют в одной исторической реальности, – между ними нет непроходимой стены. Церковь не отворачивается от "светского мира", не ищет противостояния с ним" (Святейший Патриарх Алексий II. Войдите в радость Господа своего. М., 2004, стр. 255, 54). Думается, что идеология "осаждённой крепости", только охранительства, противопоставление Церкви и общества не может способствовать ни решению миссионерских задач Церкви, ни поднятию её авторитета в обществе. В определении Архиерейского Собора 2004 года о вопросах внутренней жизни Русской Православной Церкви сказано: "Для развития свидетельства Церкви современному миру, обретения ею достойного положения в обществе и укрепления церковного авторитета, а также для развития богословия и образования, следует активизировать диалог и взаимодействие Церкви со светской культурой и наукой".

Второй подход к проблеме таков. Евангелие, православная духовность учат нас всегда начинать с самих себя, смотреть в себя. Духовность начинается с покаяния – это та основа, без которой невозможна церковная жизнь, как личная, так и общинная. Покаяние – это значит не оправдывать себя поисками внешних причин наших действий, но видеть именно свои ошибки и немощи, и попробовать понять: а может быть, мы сами даём людям внешним повод судить о Церкви недолжным образом?

Церковь сама в себе имеет неотразимую убедительность, ибо она – Христова, она являет действие Святого Духа в мире. Почему же люди не видят этого? Ведь очевидно, что идеи христианской евангельской нравственности, православной духовности, к сожалению, не

разделяются значительной частью общества. Когда люди слышат осуждение или запрет, произносимый Церковью, они не понимают, не чувствуют, что стоит за этими запретами, потому что они не знают духовной реальности Церкви, видят её исключительно со-вне, всего лишь как один из традиционных общественных институтов. Не наша ли, пастырей и мирян, вина, что люди не понимают этого? Евангельский ответ может быть только один, его сформулировал ещё полторы тысячи лет назад великий учитель христианской Церкви святитель Иоанн Златоуст: "Никто не остался бы язычником, если бы мы были действительными христианами". Не во врагах дело, а скорее в том, что мы сами, в своей жизни и деятельности, не являем Церковь такой, какой она должна быть.

Я хочу привести слова замечательного пастыря, уже почившего, протоиерея Бориса Ничипорова, сказанные им ещё десять лет назад по этому поводу: "В церковной среде стало неписанным правилом публично клеймить все антихристианские проявления. По этой ревности даже судят о "церковности" и "духовности" православного. Редкая книга, редкая газетная статья, редкая проповедь обходится без критики безбожного современного мира и сетования на трудности жизни в нем. Возникла своеобразная православная мода на разоблачение язв и пороков общества. Но что же предложили мы, православные, этому самому обществу, и детям в частности, за почти что 10 лет легальной церковной деятельности? Какую альтернативу нашли мы той потребительской философии, которая с шиком и блеском подается нам с Запада?" Вопрос, так остро поставленный о. Борисом, актуален и сейчас.

Итак, исходя из этого второго подхода, можно сказать, что Церковь завоёвывает авторитет в обществе скорее за счёт внутренней церковной работы, когда богатство и полнота церковной жизни реализуется в нас самих, в наших семьях, в наших общинах, в нашей внешней деятельности, чтобы люди, видя наши добрые дела, прославляли Отца нашего Небесного (Мф. 5, 16).

На этом пути у нас множество проблем.

Это и неопределённость форм и методов миссии в современных условиях. Появляться ли миссионеру на рок-концертах? Как, на каком языке говорить о Боге и Церкви с современными детьми? Отвергать ли, клеймить то, что читают, смотрят, слушают наши дети и молодёжь, – или искать во всём этом то, к чему может привиться слово о Христе на их, современном молодёжном языке?

Это и проблемы катехизации. Святейший Патриарх Алексий отмечал: "Многие люди, искренне считающие себя православными, остаются на уровне языческого сознания" (там же, стр. 60). Прилагаем ли мы целенаправленные усилия к исправлению того положения, о котором Николай Семёнович Лесков ещё в XIX веке писал: "Русь крещена, но не просвещена"? Как правильно воцерковить едва вошедших в Церковь людей, или даже только тянущихся к ней? Покойный протоиерей Глеб Каледа писал об этом: "Православие – это радостная полнота жизни во Христе. Сам Спаситель сказал: "да радость Моя в вас

пребудет и радость ваша будет совершенна" (Ин. 15, 11). Апостол Павел писал: "Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь". (Флп. 4, 4). ... Нужны, конечно, и сокрушение, и плач, и слезы о своих грехах, на них возрастает совершенная радость. Покаяние – это средство, а не цель. Цель – стяжание Духа Святого, совершенная радость о Христе. Есть время слез и время радости. ... Суровость, фанатизм порою отталкивают людей от Церкви". Но и доныне наша проповедь, наша катехизация не христоцентрична; Церковь, как правило, представляется нецерковным (да часто и самим верующим) людям мрачной, каким-то средневековым, состоящей только из запретов и обязанностей, имеющей центром не Христа, а грех и адские муки. Порой темы патриотизма, величия России, сопротивления глобализации и подобные, – сами по себе, безусловно, важные, нужные и актуальные, – подменяют в проповеди и катехизации Священное Писание и духовный опыт Предания; бывает, мы так увлекаемся, что подменяем христианское, христоцентричное, вселенское содержание Православной Церкви грубым национализмом, обскурантизмом и бескультурьем.

Не решены многие проблемы богослужения, пастырского окормления и духовничества, молодёжной работы, социального служения. Важнейшая задача сегодняшней церковной жизни – созидание полноценной общинной жизни – остаётся без должной энергии пастырей. И так далее; каждый из участников нашего Круглого стола может много сказать своего по этому поводу.

Итак, давайте обсудим, какими путями нам идти дальше, как оказывать нравственное влияние на российское общество, как нам поднять авторитет Церкви. Я думаю, что для этого обязательно должна созидаться и развиваться внутрицерковная жизнь, и причём, с учётом того времени и обстановки, в которые поставил нас Господь. Сегодня уже недостаточно только лишь воспроизводить исторические церковные формы, изо всех сил охранять их, а в вызовах времени видеть исключительно происки врагов. Необходимо обратить нашу энергию и силы на решение именно внутрицерковных проблем. Тогда Церковь самой нашей жизнью выявит свой безоговорочный авторитет, и, по слову апостола Павла, люди, ныне укоряющие нас, "всеми обличатся, всеми судятся, и таким образом тайны сердца их обнаружатся; и они падут ниц, поклонятся Богу и скажут: истинно с вами Бог" (1 Кор. 14, 24 – 25).

А теперь я уже не как докладчик, а как участник Круглого стола сразу попробую кратко ответить на два поставленные вопроса, чтобы не занимать впоследствии вашего внимания своей персоной. Итак, у нас два вопроса: 1) проблемы современной церковной и церковно-общественной жизни и 2) приоритетные пути развития церковной и церковно-общественной жизни.

1. Главной проблемой современной церковно-общественной жизни мне представляется аберрация нравственности. У нас, православных, как будто атрофировалось нравственное

евангельское чувство. Оно не является определяющим в наших оценках того или иного явления, а подчиняется каким-то другим вещам – национальным, патриотическим, политическим и прочим. Приведу примеры.

Если Церковь хочет реализовывать своё, действительно, присущее ей призвание – стоять на страже общественной нравственности и обличать грехи общества – то не должно быть избирательности. Вот мы обличили "Код да Винчи" и гей-парад. Хорошо. Но на память приходят множество вопиющих случаев, когда церковная общественность молчит, или, что ещё хуже – молчаливо оправдывает совершенно чудовищные вещи. Убийство иностранных студентов – в Воронеже в сентябре прошлого года, в Санкт-Петербурге постоянные случаи... подняли ли наши церковные СМИ – я уж не говорю шум, сравнимый с гей-парадом, а просто – этот вопрос? Случай с рядовым Сычёвым, который до сих пор находится в реанимации, очень показателен для определения нравственного уровня сегодняшних православных. Выступая по радио "Радонеж", писатель Крупин сказал: "Да, конечно, парня жалко (на этом тема этого человека и его трагедии была закрыта, больше слов писатель не нашёл для него); но мы не позволим шельмовать нашу армию!..." и далее шли пространные рассуждения, как же наша армия хороша, и какой шум подняла инородная пресса, чтобы эту нашу армию скомпрометировать. И это не настроение только писателя Крупина, а настроение очень многих наших православных. В голову не приходит, что если такие случаи в армии возможны, то её уже не надо шельмовать – издевательство, жестокость, безнравственность говорят сами за себя. Но когда правду объявляют шельмованием – это уже опасно. Когда это делаем мы, православные – мы тем самым выводим себя за рамки христианства. Приведу по этому поводу слова пророка Исаии: Горе тем, которые зло называют добром, и добро – злом, тьму почитают светом, и свет – тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое – горьким! Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны пред самими собою! (Ис. 5, 20-21) Ещё характерный пример. После суда над нападавшим на синагогу о. Дмитрию Смирнову в эфир "Радонежа" как-то позвонила дама и сказала: "Батюшка! как нам защитить нашего мальчика! Ну он там немножко похулиганил, но ему дали 13 лет! Куда обращаться, может быть, крестные ходы, стояния, пикеты?" О. Димитрий, помню, даже растерялся и сказал этой даме: но вообще-то ваш мальчик – уголовный преступник, и шёл в синагогу не чтобы похулиганить, а чтобы убить людей... Надо сказать, что Патриарх на следующий же день после этого происшествия направил сочувственное письмо руководителям еврейской общины; однако многие православные очевидно не разделили со своим Архипастырем нравственной боли. Повторю: это чрезвычайно опасно – размывать Евангельскую нравственность. О каком авторитете Церкви может идти речь, когда сталкиваешься с подобными вещами! Нельзя сказать, что они массовые, но и, к сожалению, далеко не единичные.

2. Нечувствительность к нравственности высвечивает связанную с ней проблему – отсутствие пастырских усилий к исправлению этой ситуации. Для немалого количества пастырей евангельская нравственность (я не беру их личную жизнь, а именно пастырский

аспект) не стоит на первом месте, а иногда дело доходит до просто чудовищных вещей. Я знаю одного батюшку, настоятеля одного из московских храмов, который после 11 сентября говорил: "мало им, гадам!" Причём, его уста очевидно говорили от избытка сердца... Все вы, я думаю, слышали, как некоторые уважаемые батюшки говорили, что священник-немонархист не имеет права стоять у престола... а, спрашивается, священник (монархист, кстати), который исполнен просто животной ненависти к ни в чём не повинным людям, к их трагедии – может совершать Служение Любви? Ещё одна пастырская проблема – ответственность за призывы. К сожалению, нередко призывы к насилию, причём – тайные. "Явно мы, конечно, не будем этого делать, а тайно – благословляем идти бить извращенцев" – слышал я из уст не одного батюшки по поводу недавнего гей-парада. Нравственная дозволенность насилия в деле отстаивания церковных ценностей также представляется мне и опасной, и не способствующей поднятию авторитета Церкви. Святитель Иоанн Златоуст говорил: "Непозволительно христианам ниспровергать заблуждения принуждением и насилием; нам заповедано словом, убеждением и кротостью совершать спасение людей".

3. Ещё одна проблема – фактический разрыв в образе мыслей между священноначалием и немалым количеством народа церковного. Выше я уже приводил пример, когда Святейший Патриарх, и по велению сострадательного сердца, и по пастырской и политической мудрости, пишет сочувственное письмо по поводу нападения на синагогу – а многие православные христиане чуть ли не оправдывают это преступление. Очень хорошо иллюстрирует этот разрыв судьба церковных документов – Социальной концепции, решений Соборов. Это здравые, трезвые, подлинно церковные документы; но они не воплощаются в жизнь, потому что многие православные живут совсем другим... Не буду углубляться в эту тему, может быть, о. Андрей Кураев, который писал об этой своеобразной "реформации", скажет об этом несколько слов.

Что делать? (извечный русский вопрос.) Во-первых, обратить острие нашей критики на себя. Это будет по-христиански. Мы осуждаем мир за стяжательство, потребительство, гедонизм, двойные стандарты, и проч., и проч., и проч. Но достаточно поднять подшивку выступлений Патриарха на московских епархиальных собраниях за последние 10 лет, чтобы увидеть, что те же самые явления присутствуют и в нашей церковной, и даже в пастырской среде. Патриарх не устаёт говорить об этом... может быть, наконец, начать слушать Предстоятеля нашей Церкви и что-то делать?

Во-вторых, пора уже начинать быть адекватными. Церковь всегда давала ответ на вызовы времени; но для этого нужно перестать идти затылками вперёд. Нужно перестать искать везде и во всём врагов, бороться с ветряными мельницами, отвергать новый опыт в тех или иных областях (пример – борьба с АА), а искать адекватные способы существования Церкви в постхристианском мире. Мы в Церкви занимаемся чем угодно – литературоведением, кинокритикой, эволюционной биологией, исследованием свойств

йодированной соли, и проч., и проч... хотя нам в самой Церкви очень даже есть чем заняться... И – чуть больше взаимного уважения и любви между нами, людьми церковными.

Закончить мне бы хотелось цитатой по этому поводу мученика Иоанна – профессора Московской духовной академии Ивана Васильевича Попова, казнённого за исповедание Христовой веры в 1938 году. Вот что он писал: "Сила и слава Церкви создается не железным мечом императора, не пышностью культа, не проклятиями инакомыслящих, а единственно осуществлением евангельской любви во взаимных отношениях верующих".

<http://kiev-orthodox.org/site/churchlife/1311/>